

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.4>

EDN YJSNRO

Институциональные ресурсы молодежного экстремизма как фактор воспроизводства и роста экстремистских практик**Антон В. Сериков¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: aserikov@inbox.ru

Татьяна Д. Скуднова²²Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского

государственного экономического университета (РИНХ),

г. Таганрог, Россия

e-mail: skudnovatd@yandex.ru

Аннотация

Введение. Для российского общества молодежный экстремизм можно квалифицировать как внутреннюю угрозу, и связано это с тем, что в условиях социальной неопределенности и социальной диспропорциональности территориальных и межэтнических различий недостаточная эффективность молодежной политики, неустроенность и маргинализация определенной части молодежи могут создавать благоприятный фон для развития молодежного экстремизма.

Теоретическое обоснование. Многообразие работ, посвященных молодежному экстремизму, особенностям его развития, организации, перспективам и целям в современном обществе, свидетельствует о том, что молодежный экстремизм является актуальной темой социальной и социально-гуманитарной мысли. В связи с этим стремление исследователей сфокусировать внимание на проблемах молодежного экстремизма как системных и глубоких по степени влияния на современные общественно-политические процессы заслуживает внимания.

Методы. Исследование является теоретическим размышлением на тему институциональных ресурсов молодежного экстремизма и опирается на процедуры структурного, функционального и неинституционального подходов в качестве расширения исследовательского спектра субъектно-деятельностного подхода, в котором молодежный экстремизм интерпретируется в рамках выявления его деятельностно-организационного контура, характеризуемого определенными социальными практиками в контексте социального позиционирования групп социального риска в молодежной среде.

Результаты и их обсуждение. Молодежный экстремизм в современной России является системным, многоуровневым явлением, порождающим социальные и политические вызовы обществу, способные перейти в стадию внутренних вызовов национальной безопасности России. Несмотря на относительную малочисленность в молодежной среде, сторонники молодежного экстремизма составляют активное меньшинство, хотя и характеризуются внутренними расколами и низким уровнем сплоченности, конкуренцией и давлением со стороны политики государства, направленной на предупреждение, выявление и репрессии по отношению к экстремизму. Предполагается, что молодежный экстремизм в современной России эволюционирует от классических форм (панки, скинхеды), заимствованных на Западе, к возвращенным на российской почве и связанным с этнокультурной, этноконфессиональной и региональной спецификой российского общества. Так как в российском обществе не преодолен эффект социальных и социально-территориальных диспропорций, находятся в замороженном состоянии межнациональные конфликты и возрастает роль этноконфессионального фактора,

молодежный экстремизм повышает уровень социальной и политической рискогенности, поскольку характеризуется высокой степенью эксклюзии в молодежную среду через молодежные субкультуры.

Основные положения:

- молодежный экстремизм формируется на основе спонтанности, самоорганизации молодежи и включения неформальных регуляторов;
- интернет-технологии являются мобилизационной основой для экстремистских организаций;
- для профилактики экстремизма молодежная политика должна регулярно работать со всеми группами молодых людей.

Ключевые слова: молодежь; социальные институты; экстремизм; радикализм; молодежная политика; субкультура; профилактика.

Для цитирования: Сериков А.В., Скуднова Т.Д. (2025). Институциональные ресурсы молодежного экстремизма как фактор воспроизводства и роста экстремистских практик. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), С. 44-55. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.4>.

Institutional resources of youth extremism as a factor of reproduction and growth of extremist practices

Anton V. Serikov¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

e-mail: aserikov@inbox.ru

Tatiana D. Skudnova²

²Taganrog Chekhov Institute (branch) Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog, Russia,

e-mail: skudnovatd@yandex.ru

Abstract

Introduction. The youth extremism can be classified as an internal threat for Russian society, due to the fact that social uncertainty and social disproportionality of territorial and interethnic differences in combination with the insufficient effectiveness of youth policy, insecurity and marginalization of a certain part of youth can create a favorable background for the development of youth extremism.

Theoretical justification. The variety of works devoted to youth extremism, the specifics of its development, organization, prospects and goals in modern society indicate that youth extremism is an urgent topic in social and socio-humanitarian thought. The desire of researchers to focus on the problems of youth extremism, both systemic and profound, and the degree of its influence on modern socio-political processes deserve special scientific attention.

Methods. The study is a theoretical reflection about the resources of youth extremism. It is based on structural, functional and neoinstitutional approaches. It helps to expand the research spectrum of the subject-activity approach which interprets youth extremism within the framework of its activity-organizational contour, characterized by certain social practices in the context of social positioning of social risk groups in the youth environment.

The results and its discussion. Youth extremism in modern Russia is a systemic, multilevel phenomenon that generates social and political challenges to society that can transform into internal challenges to Russia's national security. Despite their number among young people is relatively small, the supporters of youth extremism constitute an active minority. They are characterized by internal divisions and low levels of cohesion, competition, and pressure from government policies aimed at preventing, detecting, and repressing extremism. Youth extremism in modern Russia is evolving from classical forms (punks, skinheads), borrowed from the West, to those cultivated on Russian soil and associated with the ethno-cultural, ethno-confessional and regional specifics of Russian society. Since the effect of social and socio-territorial imbalances has not been overcome in Russian society, interethnic conflicts are in a frozen state and the role of the ethno-confessional factor is increasing, youth extremism increases the level of social and political risk in Russian society, as it is characterized by a high

degree of exclusion into the youth environment through youth subcultures.

The main provisions:

- youth extremism is formed based on spontaneity, self-organization of youth and the inclusion of informal regulators;
- Internet technologies are the mobilization basis for extremist organizations;
- the youth policy should regularly work with all groups of young people to prevent extremism.

Keywords: youth; social institutions; extremism; radicalism; youth policy; subculture; prevention.

For citation: Serikov A.V., Skudnova T.D. (2025). Institutional resources of youth extremism as a factor of reproduction and growth of extremist practices. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), P. 44-55. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.4>.

Введение

Институциональная система российского общества характеризуется парадоксально. С одной стороны, проявляется иерархия институтов, сконцентрированных вокруг института президента, их вертикальная интегрированность, с другой – есть основания считать, что институциональная система находится до сих пор в турбулентном состоянии. На первый взгляд, институты в российском обществе действуют в привязке к государству, различаются по степени влияния и ресурсности. Если на верхушке институциональной иерархии находятся традиционные институты порядка (армия – как реальный порядок, церковь – как символический), то говорить о базовых институтах, создающих алгоритмы повседневности и преемственность развития, сложнее.

Институты молодежного развития и политики взаимосвязаны между собой. Точнее, в России молодежная политика определяет развитие молодежи, поскольку самоорганизация молодежи, общественные движения и ассоциации имеют меньшее влияние. Получается, что некоторые институты молодежной политики являются нефункциональными, т.е. формально выполняют предписанные функции.

Важно, чтобы молодые люди видели эффективность работы этих социальных институтов, понимая, что они работают на всю молодежь. Необходима доналадка негласных контрактных отношений между государством, общественными институтами и молодежными организациями, чтобы ограничить вовлечение молодых россиян в субкультурные практики, малые группы, действующие сами по себе.

Очевидно также, что институциональные системы российского общества, институты молодежной политики и молодежного развития опираются на поддержку государства. Одновременно выросло поколение молодых людей, для которых культ государства не является безусловным, что подтверждается числом молодых людей, занятых нелегальными практиками, уклоняющихся от уплаты налогов или от других гражданских обязанностей.

Теоретическое обоснование

Молодежный экстремизм в контексте социологической мысли прошел три этапа осмысления. Первый, в рамках классической социологии, связан с пониманием молодежного экстремизма как следствия социальной аномии, кризиса ценностных оснований общества и в целом перехода от традиционного общества, где молодежь рассматривается как группа обучения, вступающая во взрослую жизнь через стадию обязательного ученичества и принятия опыта старших поколений. Второй был связан с акцентом на интеграции молодежи в общество на основе определения ее социально-профессиональных ниш и нейтрализации отклонений в молодежной среде как социальной патологии, что актуализировало рассмотрение молодежного экстремизма в рамках требований социальной стабильности, социального порядка и социальной безопасности. Третий этап связан с неклассической социологией и определяется отношением к молодежному экстремизму, признающим особенности поведения и

сознания молодежи как социально-демографической и социокультурной группы.

Методы

В российском обществе изучение молодежного экстремизма можно подразделить на два методических этапа. Первый определяется наследием советской социологической школы и связан с изучением структурных и функциональных параметров молодежи в обществе, с тем, что российскую молодежь составляют новые постсоветские поколения, которые вынуждены самостоятельно создавать адаптивные схемы, а молодежный экстремизм является следствием невнимания, дисфункциональности институтов развития молодежи, отсутствия диалога между молодым поколением и обществом, структурных диспропорций и разрывов, создающих условия для возникновения социально маргинализированных групп молодежи. Второй этап определяется наступлением эпохи создания массовых молодежных движений, стремлением государственных и общественных институтов включить молодежь в процесс социальной и политической интеграции и актуализирует обращение к молодежному экстремизму в контексте исследования феноменов лидерства в молодежной среде, факторов стихийности и самоорганизации, влияния интернет-сетей.

Результаты и их обсуждение

Еще в 60–70-х гг. XX в. американские социологи функционалисты, описывая роль молодежи в современном обществе, отмечали, что важным институтом ее социального развития является образование (Американская социология..., 1972), а современная система образования не всегда удовлетворяет запрос молодежи на самостоятельность, на развитие качеств и способностей, направленных на быстрое и, по возможности, результативное вступление во взрослую жизнь. Для российского общества эта проблема актуальна, в 1990-х и 2000-х гг. институт образования практически выпал из системы социального развития молодежи. Активно проходил процесс формирования образовательного неравенства, деления образования на обычное и элитное. Мы наблюдали кризис высшей школы, особенно в сфере подготовки специалистов опережающего цикла, формирования практических качеств выпускников, и, как следствие, – затруднения при их трудоустройстве.

В контексте вышесказанного уместно говорить о том, что в рамках института образования закладывалось недоверие части молодежи к государству, навязывавшему ей ненужный или вызывающий социальную фрустрацию образовательный процесс. Речь идет о том, что система образования в России (хотя и является формально доминирующей в социализации молодежи) не стимулирует молодежь к тому, что К. Манхейм назвал «демократической культурой» (Манхейм, 1993). Важно отметить, что феномен образовательного неравенства, подробно и всесторонне исследовавшийся Д.Л. Константиновским и его школой, еще в советский период показывал риски сегрегации в молодежной среде (Константиновский, 2008). Возможно, параллельная социальная карьера начинается с неприятия образования как обязательного атрибута.

По разным данным, в России 10–15% молодых людей практически не получают базовое образование. Здесь срабатывает комплекс причин: начиная с бедности, социально-психологического благополучия в семье и заканчивая тем, что молодые люди, как отмечал Э. Гидденс (Климов, 2000), испытывают скуку по отношению к теоретическому знанию, их практическое знание, основанное на алгоритмах жизни, убеждает в том, что образование кардинально не меняет ничего в судьбе. Превращаясь в процедуру формальной номинации, система образования рискует зародить в них фрустрацию по поводу изначального неравенства шансов или их обделенности способностями и знаниями.

Нельзя напрямую сделать вывод, что «двоечники» представляют потенциал молодежного экстремизма. Но можно сказать точно, что в случае построения системы молодежной политики вокруг молодых «карьеристов» мы укрепим почву молодежного экстремизма в группах молодежи, которые испытывают дистанцирование от общества и

государства уже в системе образования, воспринимая последнее как ненужную трату времени и средств.

Какая альтернатива может быть предложена, чтобы молодежный экстремизм не имел широкой стартовой площадки? При ответе на этот вопрос следует обратить внимание на то, что существует угроза институционального вакуума. То есть институты молодежной политики и развития ни в коем случае не должны быть оторваны от институтов семьи, образования и культуры. Они должны действовать, опираясь на фундамент социализации, формируемый в детском и подростковом периодах.

Нужно понимать, что именно подростков используют как социальных статистов при организации различных несистемных акций, и причина не только в подростковой социальной незрелости и невнимании со стороны семьи; но и в том, что на улицы переносится негативный опыт общения со школой как с государственным институтом.

Российский исследователь В.Г. Федотова, анализируя своеобразие русского анархизма в 1990-х гг. (Федотова, 2000), отметила, что сложившаяся в ранний постсоветский период анархическая конструкция взаимодействия между обществом и государством содержала принципиальные предпосылки для роста молодежного экстремизма. Введение новых институтов (рыночных и демократических) было вызвано усталостью от гиперинституционализации и гиперномии, предельной нормированности жизни советского человека, не позволявших объединять людей в целом на основе концепта гражданских и общих интересов наряду с частными.

В начале 2000-х гг., когда было заявлено о запуске официальной молодежной политики, так и не был создан базис взаимодействия молодежи с государством в том виде, который бы соответствовал новым реалиям. Что это означало? Для молодежи был важен учет многообразия интересов и распознавание того общего, что ее объединяет. Официальная молодежная политика в то время не работала с основной массой молодежи – как раз там, где действовали экстремистские группы и течения, которые, в отличие от официальной молодежной политики, нацелены на создание квазиорганизаций, на правила игры, которые позволяют учитывать интересы молодых людей и дают простые ответы на мировоззренческие вопросы. Попытка государства каким-то образом упорядочить отношения с молодежью вызвала недовольство, беспокойство и агрессию со стороны возникающих экстремистских организаций.

Сформировав привычку действовать в условиях слабого государства, пользоваться правилом вседозволенности и уповать на то, что государству нет дела до молодежи, клубы фанатов, этнонациональные ассоциации, арт-группы заняли глухую оборону по отношению к государству.

В современных условиях открытые уличные акции и конфликты ушли в прошлое, но на смену пришел не менее опасный по своим последствиям интернет-экстремизм. Государство пытается контролировать экстремистские интенции в интернет-пространстве, работает плотно с сайтами, блогами и социальными сетями, но, к сожалению, виртуальные институты и виртуальные сообщества продолжают развиваться и значительно опережают реальные по потенциалу мобилизованности, развитости коммуникаций, чем пользуются внешние и внутренние деструктивные силы. Интернет и здесь «плодотворно» используется зарубежный опыт, стал основным каналом распространения пропаганды и экстремистских взглядов и убеждений. Ярким примером такой деструктивной экстремистской мобилизации в интернете можно назвать события вокруг аэропорта Махачкалы, произошедшие в октябре 2023 г., когда толпа радикально настроенной молодежи была собрана за считанные часы с помощью мессенджеров и социальных сетей.

Институты молодежной политики активно осваивают информационные и коммуникативные технологии, но пока находятся в позиции догоняющих по отношению к радикальным ресурсам, сумевшим сформировать свою аудиторию. Проблема состоит не только в том, чтобы бороться за умы и настроения молодежи, – есть реальный риск того, что от публикаций на страницах интернет-форумов и социальных сетей участники перейдут к экстремистским акциям, используя технологию флешмоба. Есть основания

полагать, что в отличие от институтов молодежной политики молодежные экстремистские структуры имеют преимущество, обусловленное тем, что у них отсутствует занормированность и заорганизованность, нет никаких ограничений, они часто работают по принципу «главное – действие, а результат – покажет время». По отношению к молодежной среде в российском обществе сложилась парадоксальная ситуация: экстремистские структуры компенсируют дефицит институциональных ресурсов государства импровизацией и спонтанностью (Сериков, 2018а).

Здесь следует учитывать еще одно важное институциональное обстоятельство. Профилактика молодежного экстремизма определяется тем, насколько институты молодежной политики закрепляют у молодежи взаимоуважение и осознание единства (ценности, которые входят в 809-й Указ Президента РФ). В российской институциональной системе главенствуют институты порядка, но этот порядок основывается на лояльности к государству, любви к Родине, нацеленности на принятие законности как должного. А институты молодежной политики в каком-то смысле конфликтуют с институтами порядка. Конфликтуют в том смысле, что внутри иерархии статусов в институциональной системе исторически сложилось так, что институты молодежной политики являются производными, негласно и по ресурсным показателям институты порядка заметно превосходят институты молодежной политики и развития. Это могло бы восприниматься как ситуация, требующая постепенного исправления институциональных перекосов, однако есть предположение, что неравенство статусов определяется вертикально интегрированным характером институтов и институты молодежной политики и молодежного развития были объективно ограничены. Это приводит к тому, что из спектра внимания выпадает целый ряд общественных движений и формирований, которые обладают рискованным потенциалом самостоятельности для властных структур. Можно также говорить о том, что институты молодежной политики, следуя в институциональном фарватере, не склонны подчеркивать собственный самостоятельный статус и показывать, что подход к молодежи может быть несколько более широким, чем с точки зрения порядка, контроля и лояльности.

Для экстремистских структур такая институциональная иерархия выгодна, так как отдает на откуп экстремизму то, что называется проблемным полем молодежной среды. Также есть основания считать, что институты порядка, несмотря на высокий авторитет и ресурсность в российском обществе, имеют слабые звенья, прежде всего – по отношению к молодежи. Характер взаимодействия с молодежью не дает высоких результатов, потому что не ставится цель молодежного развития. Пределы влияния институтов порядка сужаются к тому, чтобы формировать из молодежи лояльных, законопослушных граждан. Не учитывается то, что в современном мире, как бы к ней ни относились, высока тенденция пацификации. Эти процессы активно процветали в России вплоть до начала СВО.

Естественно, в этом содержится угроза оборонному сознанию, но логика отмирания национальных государств, диктуемая транснациональными корпорациями как акторами глобализации, содержит более сильную тенденцию, которая склоняется к тому, что национальные вооруженные силы, так же как и институты национальной безопасности, являются устарелыми, мешающими экологическому и социально-политическому развитию и свойственны в основном авторитарным отсталым режимам.

Естественно, в данном утверждении есть проявление интеллектуального колониализма, двойственность стандартов, если вспомнить роль США, выполняющих функцию если не «мирового жандарма», то смотрителя за глобальным порядком. Для институтов молодежной политики и молодежного развития в российском обществе не созданы соответствующие условия, чтобы согласовать идею порядка и идею развития молодежи. Молодежная политика до недавнего прошлого работала в режиме государственного патриотизма, взывала к оборонному сознанию молодежи и опиралась исключительно на исторический опыт старших поколений, отстаивавших независимую страну.

Эти идеи разделяются молодыми россиянами, которые испытывают гордость за

великие исторические свершения, но для которых приоритетным является актуализм, возможность проявить себя, добиться успеха в жизни, и институты молодежной политики и молодежного развития не до конца реализовывали эту функцию. Под видом борьбы с патернализмом, иждивенчеством в стране выросли сообщества, которые действительно равнодушны к государству и патриотизму, в то же время синдром равнодушия распространяется и на святые для традиционного общества идеалы, на базисные ценности, без которых невозможно согласие в обществе.

Таким образом, институциональные ресурсы молодежного экстремизма выглядят как продолжение проб, ошибок и заблуждений молодежной политики предыдущих периодов. 1990-е и 2000-е годы характерны тем, что институты молодежной политики в эти периоды не считали нужным презентовать себя как институты молодежи. В условиях падения роли государственного патриотизма в тот период их функционирование воспринимается критически, вызывает вопросы о том, что делается для молодежи и почему молодежь должна служить обществу и государству. Поэтому современный слоган молодежной политики «ничего для молодежи без молодежи» был так активно поддержан и пользуется популярностью.

Хотя российская молодежь и демонстрирует стремление к самостоятельности и успешности, в молодежной среде не сложилось современного модернистского большинства, так как молодые люди не мечтают о возврате назад и не надеются на государство, но одновременно и не желают быть участниками модернизационных процессов. «Одобрять» не означает в данном случае «содействовать», и такая особенность характерна для большинства молодых россиян. Отсюда появилось понятие «деятельного патриотизма»: это не только декларативная «любовь к Родине», но и то, в чем она выражается, – участие в СВО, волонтерство, уплата налогов и т.д.

Деятельностная составляющая важна в любой сфере, она является защитой от того, что те, кто внешне заявляет о поддержке принципов взаимоуважения, светскости, милосердия, могут в определенный момент переменить жизненную позицию под влиянием различных внешних и внутренних обстоятельств. Данная позиция не является аскриптивной (наследственной), она может иметь место только при постоянной, длительной, согласованной работе государственных и властных институтов. Молодежный экстремизм, формирующийся на основе спонтанности, самоорганизации молодежи, включения неформальных регуляторов и конструирования лидерства, выходит на уровень институционализации в зонах контроля.

Так как государство практически придерживается принципа открытой борьбы только с открытыми явлениями экстремизма, можно говорить о том, что в российском обществе позиция социальной и политической апатии содействуют оживлению и распространению экстремистских настроений. Когда вспыхивают значимые политические скандалы, возникает напряженность в этнополитических отношениях, которая в условиях умолчания этой проблемы государством смотрится возникшей неизвестно откуда, – экстремисты становятся видимыми. Они становятся активными участниками протестных акций, склонны внедрять в умы населения воинствующую, националистическую и антигосударственную риторику, задействовать весь свой неформальный потенциал, использовать коммуникацию слухов, возрастание страхов и тревог. В результате институты молодежной политики получают «щелчок», в обществе начинают разгонять точку зрения, что государство не занимается проблемами молодежи, а институты молодежной политики – это бюрократические структуры, которые занимаются чем угодно, но не плотной работой с различными молодежными сообществами.

Рассматривая институциональный дизайн молодежного экстремизма, мы уже отметили недостатки и искажения сложившейся институциональной системы, позволяющие создавать люфты для экстремистских действий в молодежной среде. Однако общие положения о том, что институты молодежной политики не всегда удовлетворяют потребности и запросы молодежи, не являются окончательным ответом на вопрос о том, каковы институциональные ресурсы экстремизма. Экстремизм,

безусловно, паразитирует на трудностях диалога молодежи и общества, молодежи и государства. Но если реализовать структурно-деятельностную парадигму, мы имеем дело с феноменом, не столько поддерживающим историческую традицию, сколько обретающим новые образы.

Экстремистские организации в России существуют с конца прошлого века, и их генезис характеризуется переходом от организаций младенческого периода через заимствование зарубежных институциональных форм к покровительству заинтересованных групп в российском обществе (яркий пример – экстремистское РНЕ). Опыт же создания самостоятельных организаций, таких как экстремистская НБП, показал предел устойчивости.

Отметим, что с роспуском, демонтажем экстремистской организации сохраняются традиции, опыт, ресурсы, передача эстафеты более молодым поколениям, и со временем обнаруживается, что вроде бы оставшиеся в прошлом экстремистские структуры если и не переживают второе рождение, то появляются в новом облике. Это характеризует замкнутость институциональных ресурсов молодежного экстремизма. Характер взаимодействия внутри экстремистских организаций предполагает консерватизм, отказ от новых методов и использование идеологического организационного кредо. Таким образом, существует некая идеологическая верность принципам, провозглашенным в программных установках структур. Интересен тот факт, что экстремистские группы намеренно не стремятся к тому, чтобы стать большими, во-первых, исходя из правил конспирологии, во-вторых, действует правило управления малой массой доверенных лиц. Отсюда организационные ресурсы экстремизма проигрывают официальным большим организациям, но имеют преимущество в том, что могут быстро реструктурироваться, самораспуститься, подвергнуться делению или альянсированию с другими схожими группами.

Такая организационная игра не случайна и ведет к тому, что в организационном контексте, учитывая нынешнюю ситуацию, молодежный экстремизм с начала 2000-х гг. уходит в регионы. Это выражается в том, что в региональных центрах концентрируются и начинают действовать экстремистские группы по принципу децентрализации, максимальной самостоятельности и выдвижения на первый план единства места организационно-финансового и структурного. Во-вторых, есть потребность в приходе новых лидеров и постоянном обновлении. Для экстремистских организаций очень важен возраст, неприемлемость того, что организацией пусть будут руководить опытные и уважаемые, но уже старые лидеры. Русские националисты потерпели крах, перестали быть заметным фактором общественно-политической жизни не потому, что в обществе сократилась их целевая аудитория. Дело в том, что стремление удержать лидерство привело к утере старыми авторитетами привлекательности для экстремистов, в среде новой поросли обнаружился кризис жанра. Националисты не готовы были перейти в подполье, в то же время, в отличие от других экстремистских организаций, имеют высокий потенциал внутренней конфликтности и идут по пути реактивного действия, отказа от программных установок. Это приводит к тому, что происходит дисперсия институциональных ресурсов, исчезает феномен лидерства. В этом смысле возможен ренессанс и консолидация подобных организаций в случае актуализации «мигрантской тематики», подобные события регулярно происходят на некотором удалении от центра.

Так как экстремистским группам не свойственен высокий образовательный и креативный ресурс, основные усилия направлены на раздувание эксцессов, возбуждение интереса молодежи к кризисным и замалчиваемым в обществе проблемам и попытку упрощения символического кода или его приближения к субкультурным интенциям (Сериков, 2018б). Действительно, сейчас наблюдается определенное стилевое сближение между националистами как консерваторами и теми, кого считали «гопниками», носителями экзотических культов. Возникает новая версия национализма, где основным институциональным моментом является переструктурирование организации по общинному принципу сектантской идеологии, с проповедью социального эксклюзива. Кроме этого, наблюдается возрождение языческих культов, которые становятся

маркерами «свой – чужой» и символами «славянского патриотизма».

Внешне это может выглядеть безобидно и рассматриваться как более приемлемый для общества вариант, чем открытые выступления тех же националистов. Но в этом случае не следует заблуждаться. Напротив, можно предположить, что уход в схиму, создание малых общин приводят к тому, что возникают локальные центры экстремизма. В России сейчас модным является возвращение к истокам.

Исследователи феномена экстремизма регулярно ставят перед собой вопрос о том, какими нормами-регуляторами пользуются экстремисты. И здесь возможны два варианта ответа. Первый связан с тем, что экстремизм основывается на неформальных регуляторах (верности, сплоченности, добровольности, самопожертвовании). Это типичный набор для экстремистских организаций еще с конца XIX в. По существу, новым является то, что в экстремистские действия и процессы вмешивается современный постмодерн молодежи, в том смысле, что участие в акциях может быть неотрефлексированным, связанным со стремлением проявить себя не столько как человек, придерживающийся определенных идейных принципов, сколько как участник модной акции. Те же инструменты моды, «флешмоба», «радикального карнавала» использовались в 2014 г. на майдане в Киеве, эти же технологии переносятся на улицы Белграда, встречались на минских площадях.

Таким образом, анализ институциональных ресурсов молодежного экстремизма в российском обществе подводит к выводу о том, что наблюдается стремление к институционализации на неинституциональной основе. Такое предположение только выглядит парадоксальным: экстремисты ставят своей целью не инфильтрироваться в официальные институты, а завоевать их с боем, хотя речь может идти и о планах насаждения собственной резидентуры, особенно в молодежных организациях. Институциональный задел в их наследии не претендует на то, чтобы конкурировать с официальными институтами молодежной политики как альтернатива для молодежи. Выстраивается иная схема конфликтности: используя неформальные регуляторы сплоченности и мобилизации, направленные на культивирование экстремистского поведения молодежи, экстремистские организации довольствуются двумя вариантами: либо работают с близкой молодежью с целью образовать устойчивое ядро (небольшое количество верных сторонников), либо стремятся работать на перспективу, с захватом вновь возникающих культурных течений.

Учитывая то, что субкультуры в той или иной степени в разные периоды жизни привлекают внимание значительного числа молодежи, есть причина для тревог. Молодежные субкультуры стремятся к автономности, не признают состояния зависимости или полузависимости от государства, хотя и идут на конструктивные контакты для того, чтобы показать свое общественное лицо через общественный дискурс.

Заинтересованные экстремистские структуры не могут предложить финансовых, информационных, юридических, правовых ресурсов. Преимуществом, по их мнению, является то, что они именно молодежные, показывают поколенческую солидарность, т.е. если и не являются совсем своими для деполитизированной молодежи, то и не подходят под определение чужих. В рамках реализации экстремистских акций упор делается на их аттрактивность, информационный шум, привлечение внимания молодежи к проявлениям брутальности, крутости, жесткости по отношению к властным институтам. Своими акциями они как бы заявляют: «Да, у нас нет поддержки государства, защиты закона, мы не богаты, но у нас есть такие качества, как смелость, решительность, упорство и идейность, чего не хватает бюрократическому аппарату». Очевидно, что в этом плане важны экстремистские акции, которые со стороны выглядят как вспыхивающие спонтанно или по велению души, в реальности же являются частью плана деятелей, желающих утвердить себя в качестве пусть и не решающих, но социально значимых в молодежной среде.

Опасаясь правовых репрессий, экстремисты выверяют свои действия, действуя на грани дозволенного. Если налицо дерзость, откровенные стычки, то это может

рассматриваться как долгосрочная стратегия изматывания правоохранительных структур, их дискредитации в широких слоях населения, насаждения страха перед жестокостью; создается двойной эффект, как это было в 2014 г. на Украине. Возникает мысль о том, что силовые структуры, с одной стороны, не в состоянии обеспечить безопасность граждан, не карают коррупционеров, т.е. не поддерживают элементарный социально справедливый порядок, с другой – гонятся за молодежью. И здесь возникает второй существенный момент: появляется симпатия к борцам (не важно, за какую идею), осуществляющим справедливое возмездие по отношению к тем, кому не доверяет население. И нам важно извлекать уроки из такого рода мобилизации и героизации уличных радикалов.

Это может быть зафиксировано на описательном уровне. Аналитически, так как в России общество транзитивного полузакрытого, полуоткрытого типа, в институциональной системе, основанной на вертикальной интегрированности, доступ к институциональным ресурсам регламентирован. Рекомендацией может быть то, чтобы заинтересованные группы получали доступ к неформальным контактам с официальными институтами, тем самым включались в институциональные практики и, как следствие, фиксировался рост институционального доверия.

В отношении экстремизма действует определенное табу и доминирует репрессивная правовая направленность. Если же говорить о схемах профилактики, то важным является не столько приручение экстремистских структур, стремление сделать их подручными и ведомыми; более эффективно их разложение изнутри. Но и здесь возникают определенные трудности с тем, что в институциональной системе транзитивного типа, как в России, затруднена политика маневра ресурсами, перехода от одного способа воздействия на экстремистов к другому.

Так как институты молодежной политики ориентируются на группы молодежи, которые кажутся наиболее адаптированными и близкими для воздействия при помощи традиционных организационно-финансовых и культурно-пропагандистских акций, экстремистские тенденции могут проявиться в том, что деполитизированная молодежь, которая реально нуждается в доступе к ресурсам в рамках социальных, экономических, культурных инициатив, начинает испытывать чувство дистанцирования и фрустрации, так как формируется стереотип, что государство не доверяет молодежи или молодежь воспринимается только как группа повышенного социального риска.

Действующие в российском обществе каналы социальной мобильности характеризуются тем, что есть стопор восходящей социальной мобильности и совершенно не развиты каналы горизонтальной социальной мобильности, которые могли бы расширить доступ деполитизированной молодежи к институциональным ресурсам. Речь идет о том, что необязательным является пересмотр критериев ресурсного использования. В рамках горизонтальных социальных взаимодействий основным достижением является то, что молодые люди получают удовлетворенность от если не поддержки, то сочувствия, заинтересованности официальных структур. В этом случае экстремистские организации проигрывают, так как они не имеют образцов, интересных для деполитизированной молодежи, позволяющих избежать конфликта с законностью.

Рассматривая эту ситуацию, можно, таким образом, заключить, что институциональные ресурсы молодежного экстремизма в российском обществе опираются на два основания: во-первых, это объективная невозможность дотянуться до каждого молодого человека классическими институтами молодежной политики, а во-вторых, использование собственного потенциала самоорганизации для того, чтобы перехватывать инициативу у институтов молодежной политики в рамках создания для молодежи параллельных, автономных по отношению к общественным целям и интересам пространств.

Молодежный экстремизм как определенный тип поведения и сознания молодежи, на что указывают Ю.А. Зубок и В.И. Чупров (2008), имеет определенное стратификационное измерение. Действительно, в молодежной среде российского

общества отмечается концентрация экстремизма в неблагополучных районах и регионах, где реально возникли социальные гетто. Характерный пример – Капотня в Москве, которая в силу экологии, социального неблагополучия, концентрации промышленных предприятий, наплыва мигрантов приобретает черты социально эксклюзивной локации. Однако, не удовлетворяясь одним, хоть и показательным примером, можно говорить о том, что для молодежного экстремизма как традиции характерна рекрутация членов из неблагополучных по социоструктурным показателям. Бедность, безработица, неудовлетворенность условиями жизни и отсутствием допуска к социальным ресурсам приводят к тому, что социоструктурные разрывы в обществе являют собой пространство для воспроизводства и роста молодежного экстремизма.

Данное замечание относится и к России, где радикальные группы конца 1990-х гг. (например, «люберы») в основном формировались из молодежи рабочих окраин. Необходимо также подчеркнуть, что в российском обществе избыточные социальные неравенства артикулируют в общественном сознании требования социальной справедливости (Сериков, 2020). Россияне мечтают о социально справедливом, разумно организованном обществе. Социальная справедливость, которая «в разнос» критиковалась в 1990-х гг. как «шариковщина», для большинства россиян означает равенство возможностей, а это важная стартовая площадка для молодежи, которая вступает в жизнь в условиях социальной неопределенности.

Действительно, трудно ориентироваться в жизненных ситуациях, строить карьеру, если вместо критерия образования и профессионализма действуют неформальные социальные связи, если уровень доходов измеряется не по принципу меритократии, не оценкой профессиональных, образовательных, деловых, стабилизационных качеств, а часто связан с местом работы, с отношением начальства. Такие деформации, конечно, искажают социальное восприятие молодого поколения, могут подрывать доверие к государственным социальным институтам и становиться причиной роста радикализма и распространения экстремистской идеологии.

Литература

- Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – 392 с.
- Зубок, Ю.А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37–46. – EDN IQFTOH.
- Климов, И.А. Социологическая концепция Энтони Гидденса / И.А. Климов // Социологический журнал. – 2000. – № 1–2. – С. 121–149.
- Константиновский, Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х) / Д.Л. Константиновский. – М.: ЦСО, 2008. – 551 с.
- Манхейм, К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры / К. Манхейм. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – 89 с.
- Сериков, А.В. Радикализм и экстремизм в российской молодежной среде в контексте избыточных социальных неравенств / А.В. Сериков // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9, № 6. – С. 68–79. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.6.4>. – EDN DVSSGC.
- Сериков, А.В. Субкультурные практики формирования молодежного экстремизма в российском обществе / А.В. Сериков // Социально-гуманитарные знания. – 2018а. – № 11. – С. 34–41. – EDN YXSKKL.
- Сериков, А.В. Третья генерация молодежных экстремистских организаций в российском обществе / А.В. Сериков // Гуманитарий Юга России. – 2018б. – Т. 7, № 3. – С. 77–87. – <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.5>. – EDN XRTECD.
- Федотова, В.Г. Анархия и порядок / В.Г. Федотова. – М.: УРСС, 2000. – 144 с. – EDN UBPTBX.

References

- American sociology: prospects, problems, methods. Moscow: Progress, 1972. 392 p. (In Russ.)
- Fedotova V.G. Anarchy and order. Moscow: URSS, 2000. 144 p. (In Russ.)
- Klimov I.A. The sociological concept of Anthony Giddens. *Sotsiologicheskiiy zhurnal = Sociological Journal*. 2000;1-2:121-149. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. Inequality and education. The experience of sociological research on the life start of

Russian youth (1960s – early 2000s). Moscow: CSO, 2008. 551 p. (In Russ.)

Manheim K. The problem of the intelligentsia. Democratization of culture/ Moscow: INION RAS, 1993. 89 p. (In Russ.)

Serikov A.V. Radicalism and extremism in the Russian youth environment in the context of excessive social inequalities. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2020;9(6):68-79. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.6.4>. (In Russ.)

Serikov A.V. Subcultural practices of youth extremism formation in Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2018;11:34-41. (In Russ.)

Serikov A.V. The third generation of youth extremist organizations in Russian society. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2018;7(3):77-87. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.5>. (In Russ.)

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth extremism. The essence and features of the manifestation. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2008;5:37-47. (In Russ.)

Информация об авторах

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону; e-mail: aserikov@inbox.ru

Скуднова Татьяна Дмитриевна – доктор философских наук, доцент, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог; e-mail: skudnovatd@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don; e-mail: aserikov@inbox.ru

Skudnova Tatiana Dmitrievna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, A.P. Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog; e-mail: skudnovatd@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare